

ДИСКУССИЯ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДВЫ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Н.В. Беленов

Николай Валерьевич Беленов | <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966> | belenov82@gmail.com | к. п. н., доцент | Самарский государственный социально-педагогический университет (ул. Максима Горького 65/67, Самара, 443099, Россия)

Ключевые слова

мордва, традиционная культура, мордва-мокша, мордва-эрзя, Самарское Поволжье, этнотерриториальная группа

Аннотация

В статье делается акцент на уникальных культурных традициях и элементах традиционного мировоззрения этнотерриториальных групп мордвы Самарского Поволжья. Приводится история этнографических исследований этих групп и рассматриваются основные черты их традиционной культуры, имеющие параллели с общемордовскими чертами. Анализируются особенности ритуалов перед началом посевных работ и праздников весеннего цикла *Ватази чи* и *Тундонь ильтямо*, бытующих и сегодня в ряде эрзянских сел; описываются характерные черты традиционной культуры мордвы-мокши Самарской Луки и некоторые особенности молений о дожде мордвы Самарской области. Автор приходит к выводу, что рассмотренные в статье элементы традиционной культуры различных этнотерриториальных мордовских групп имеют общемордовские истоки, которые, однако, претерпели существенные изменения после того, как данные группы обосновались на территории Самарского Поволжья.

Мордва Самарского Поволжья представлена несколькими мокшанскими и эрзянскими этнотерриториальными группами, имеющими ряд существенных отличий как от других групп мордвы, живущих в Российской Федерации (в Республике Мордовия, Ульяновской и Пензенской областях, Оренбуржье и др.), так и друг от друга. Данные отличия обусловлены различными территориями исхода их предков и, соответственно, их изначальной языковой и культурной дифференциацией, а также комплексом факторов, сформировавшимся вследствие обособленного исторического развития в полиэтническом окружении Самарского Поволжья.

Статья поступила 02.03.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 01.09.2021

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Беленов Н.В. Некоторые особенности традиционной культуры мордвы Самарского Поволжья // Этнографическое обозрение. 2022. № 1. С. 103–119. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010079>

Belenov, N.V. 2022. Nekotorye osobennosti traditsionnoi kul'tury mordvy Samarskogo Povolzh'ia [Aspects of the Traditional Culture of the Samara Povolzhie Mordovians]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 103–119. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010079>

Наряду с общемордовскими чертами изучаемые группы сохраняют и ряд самобытных черт, многие из которых оформились уже на территории нынешнего проживания. В настоящее время ввиду интенсивных процессов русификации и общей тенденции замещения коренного сельского населения региона приезжими многие традиции мордвы Самарской области стали забываться. Они сохраняются лишь местами (порой в сильно искаженном виде) благодаря вниманию местных администраций, деятельности отдельных активистов и – иногда – случайным факторам. В данной статье я постарался проанализировать сведения о еще существующих либо существовавших до недавнего времени традициях мордвы Самарской области, которые были зафиксированы мной со слов очевидцев и участников мордовских молений, ритуалов и праздников. При этом основное мое внимание сосредоточено на тех элементах традиционной культуры, которые являются специфическими именно для местных этнотерриториальных групп мокши и эрзи.

Как мы уже упоминали, мордва Самарской области неоднородна. Отдельную этнотерриториальную группу, представляющую древнейшее мордовское население региона, составляет мордва-мокша Самарской Луки, расселенная в настоящее время в селах Торноево, Шелехметь (Волжский р-н) и Бахилово (Ставропольский р-н). Одной из крупных мокша-мордовских групп Самарского Поволжья является бинарадская мордва. Ее представители в основном сосредоточены в селах Старая Бинарадка и Новая Бинарадка (Красноярский р-н) (костяк мордовского населения этих сел составили выходцы с территории Самарской Луки), Молгачи (выселок столыпинского времени из Старой Бинарадки), а также Узюково, Пискалы (Ставропольский р-н) и Сухие Аврали (Елховский р-н).

Эрзя сосредоточены в основном в Заволжье. Они делятся на несколько крупных этнотерриториальных групп, среди которых наиболее консолидированы похвистневская, клявлинская и шенталинская. Похвистневская мордва компактно расселена в больших эрзянских селах Большой Толкай, Малый Толкай, Красные Ключи, Большая Ёга и в их поселках-спутниках (Похвистневский р-н), а также в с. Ерзовка (Кинель-Черкасский р-н), куда на протяжении последнего столетия переселялись представители этой группы. В этноязыковом отношении наиболее однородна клявлинская мордва, характеризующаяся единым говором. Кроме того, на заволжских территориях региона и в сопредельных районах Оренбуржья определение “клявлинская мордва” является этнокультурным маркером и в то же время формулой самоидентификации (Беленов 2021: 28). К этой группе, помимо населения мордовских сел Клявлинского района, относится также мордва с. Новый Байтермиш (Иса克林ский р-н). Шенталинская мордва расселена в эрзя-мордовских селах Старая Шентала Шенталинского р-на и Степная Шентала Кошкинского р-на (последняя была основана выходцами из Старой [тогда Лесной. – Н.Б.] Шенталы в 1733 г.), а также в д. Городок Кошкинского р-на, которая появилась в 30-е годы XX в. после объединения хуторов, созданных жителями Степной Шенталы в период столыпинской реформы.

При этом мордовское население отдельных населенных пунктов – эрзя-мордовских сел Шилан (Красноярский р-н) и Коноваловка (Борский р-н), а также мокша-мордовского с. Благодаровка (Борский р-н) – не входит в состав ни одной из перечисленных этнотерриториальных групп и обладает уникальными этнокультурными и этноязыковыми особенностями.

История этнографических исследований мордвы Самарского Поволжья

Первые научные этнографические описания мордвы региона оставили участники академических экспедиций XVIII в.; наиболее подробные такие работы принадлежат перу И.И. Лепёхина (*Лепёхин* 1821) и П.С. Палласа (*Паллас* 1773). Материалы И.И. Лепёхина связаны прежде всего с причеремшанской мордвой и с мордвой сел, относящихся согласно современному административно-территориальному делению к северным районам Самарской области, сведения же П.С. Палласа главным образом касаются мордвы-мокши Самарской Луки.

Ряд ценных сведений о мордве исследуемого региона, значительная часть которого относилась к Симбирскому наместничеству (с 1796 г. – Симбирской губернии), содержится в труде Т.Г. Масленицкого “Топографическое описание Симбирского наместничества” (*Масленицкий* 1785). Этнографические материалы по отдельным мордовским селам Самарского Поволжья можно найти на страницах “Самарских Епархиальных ведомостей”; особо выделить можно статьи М. Гребнева (*Гребнев* 1885, 1886). Заслуживает внимания и работа Н.М. Малиева, который, рассматривая антропологию мордвы, приводит и ряд этнографических сведений о ней (*Малиев* 1878).

На рубеже XIX–XX вв. на территории ряда районов Самарского Поволжья работала экспедиция финского исследователя Х. Паасонена, по итогам которой был издан его фундаментальный труд по мордовским языкам (*Paasonen* 1990, 1992, 1994, 1996). При этом Х. Паасонен собрал, обработал и опубликовал (часть статей вышла уже после смерти ученого) богатый материал по мордовскому фольклору – основу некоторых статей составили сведения, собранные в селах Самарской губернии (*Paasonen* 1977). В 1914 г. путь экспедиции Х. Паасонена повторил финский музыковед и фольклорист А. Вайсянен, публикации которого были дополнены ценными фотографиями (*Väisänen* 1948).

Сушественный вклад в изучение традиций и быта народов региона, в том числе и мордвы, внесли работы слушателей (впоследствии составивших основу Самарского научного краеведческого общества) этнолого-археологических курсов В.В. Гольмстен, их этнографические записки по отдельным мордовским селам хранятся в областном архиве (ЦГАСО-1). Богатейшую коллекцию фольклорных произведений различных жанров, записанных у мордвы Похвистневского и Шенталинского районов Самарской области собрал М.И. Чувашов, работы которого в настоящее время издаются в рамках многотомной антологии “Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки” (*Чувашов* 2008).

Для нашего исследования значительный интерес представляют коллективная монография “Мордва Заволжья”, открывающая фундаментальную серию энциклопедических описаний “Мордва России” (*Петербургский и др.* 1994), и труды Т.И. Ведерниковой, опубликованные в конце XX – начале XXI в. и опирающиеся на богатейший полевой архив исследовательницы (*Ведерникова* 1991; *Ведерникова и др.* 1996; *Бородина, Ведерникова* 2007).

Из новейших публикаций по теме настоящей работы обращают на себя внимание исследование специалиста по археологии и этнографии мордвы Самарского Поволжья Н.М. Малковой “Материалы по истории и культуре мордвы Самарского края” (*Малкова* 2019) и защищенная ею ранее кандидатская диссертация – труд уникальный в истории изучения региона (*Малкова* 2000).

Общемордовские черты в традиционной культуре мордвы Самарской области

Мордва Самарской области, на протяжении нескольких сотен лет развиваясь в отрыве от территорий исхода, бережно сохраняла свои традиции. Влияние полиэтничного окружения в новых местах расселения в Самарском Поволжье, несмотря на то что мордва нередко проживала и проживает в одних селениях с русскими, чувашами, украинцами и в непосредственном соседстве с татарами и башкирами, в традиционной культуре мордовских этнотерриториальных групп выражено незначительно. Более существенно оно проявляется в фольклоре мордвы, где фиксируется заимствование нескольких сюжетных линий из эпоса тюркских и славянских народов – впрочем, время и место таких заимствований остаются предметом дискуссий.

Свойственные всем группам мордвы, проживающим в Российской Федерации, основные праздники календарного цикла, черты христианско-языческого синкретизма, ритуальные обрядовые действия и формы религиозного культа у мордвы Самарской области по большей части сохраняются. Сохраняются пантеон богов и основные теонимы, свадебная обрядность, культ предков, обряд имитации человеческой жертвы на праздниках плодородия и при строительстве различных сооружений (мостов, мельниц, плотин), моления о дожде (об их специфике у мордвы Самарского Поволжья будет сказано далее), ведущая роль женщин – в основном, старшего возраста – в языческих ритуалах, особенности гаданий и ворожбы, знахарства и целительства.

В настоящее время в регионе для обозначения верховного бога бытуют практически одинаковые теонимы как среди мокши, так и среди эрзи.

У мордвы-мокши теоним фиксируется в формах *Шкайбас* (Торновое, Шелехметь), *Шкайбаз* (Старая Бинарадка), *Шкай* (Новая Бинарадка). При этом информанты в различных селах давали примерно одинаковые объяснения, они говорили, что “Бог у них вообще-то Шкай”, а “говорят о нем – Шкайбас” (ПМА 1; ПМА 5). Надо отметить, что в данной форме (*Scabas*) теоним отмечается в самом раннем дошедшем до нас мордовском лексикографическом памятнике – списке мордовских слов, содержащемся в труде Н. Витсена “Северная и Восточная Тартария”, сведения для которого собирались его автором на протяжении нескольких десятков лет, начиная с 1667 г. (*Witsen* 1692). Согласно определению А.П. Феоктистова, словарный материал Н. Витсена относится к западному диалекту мокша-мордовского языка (*Феоктистов* 2008).

В эрзянских говорах региона теоним бытует в форме *Паз* (Малый Толкай, Большой Толкай, Большая Ёга, Ерзовка, Захаркино, Мордово-Аделяково, Старая Шентала, Коноваловка, Шилан). При этом к нему зачастую добавляется ряд эпитетов: *Верке Паз* (Красные Ключи), *Нишке Паз* (Степная Шентала, Старые Сосны), *Нишке Верке Паз* (Старое Суркино), где *вере* – “верхний, верховный”, *нишке* – по мнению ряда исследователей, искаженное словосочетание *ине шкай* (*иня* – в мокшанском языке означает “самый”, в эрзянском – “великий” + *шкай* – “бог”). Вторичная этимологизация теонима у некоторых групп эрзян отмечена уже П.И. Мельниковым-Печерским. Например, у терюхан имя *Нишке-Паз* объяснялось так: вокруг верховного бога вьются души добрых людей, как пчелы вокруг матки, поэтому он и именуется *Нишке*, от общемордовского *нешке* – “пчелиный улей” (*Мельников-Печерский* 1867). Исключение составляет с. Большая Каменка, в эрзянском говоре которого в качестве имени верховного бога бытует мокшанский теоним *Шкай* (ПМА 10).

Ведь-ава, *вирь-ава*, *юрт-ава* и прочие второстепенные персонажи мордовского пантеона мордвой Самарской области собственно богами не считаются,

а воспринимаются здесь как некие мифические существа, в большинстве своем женского рода – что соответствует религиозным представлениям мордвы других территорий и отмечалось в описаниях этнографов с XVIII в. (*Маскаев* 1964; *Девяткина* 1997). Отметим, что в XVII в. данная особенность мордовского языческого пантеона не фиксируется (*Witsen* 1692), возможно, в связи с тем, что сами изложения религиозных воззрений мордвы этого периода менее подробны.

Мордовская свадьба, пожалуй, является наиболее глубоко изученным и досконально описанным этнографами семейным обрядом мордвы. Так, свадебный обряд занимает большую часть заметки П.С. Палласа о шелехметской мордве (*Паллас* 1773), ему же посвящен один из первых этнографических трудов М.Е. Евсевьева (*Евсевьев* 1892), на свадьбах и предшествующем им сватовстве сосредоточено внимание Т.Г. Масленицкого в публикации об инородческом населении Симбирского наместничества (*Масленицкий* 1785). Отметим, что свадебные обряды мордвы Самарского Поволжья (там, где они сохранились) в общих чертах тождественны соответствующим обрядам мордвы других регионов России (*Ведерникова* 1991).

Как уже говорилось выше, практически все ритуалы современных мордовских этнотерриториальных групп региона выполняются женщинами старшего возраста. В общесельских молениях, на которых присутствуют и мужчины – они могут играть различные роли (в частности, в ритуалах, призванных обеспечить плодородие), – ведущая роль всегда принадлежит старшим женщинам. Тем не менее наряду с этим фиксируются и имеющие локальное значение традиционные мероприятия, в которых участвуют только молодые незамужние девушки (ПМА 2: М.А. Радаева, информанты, пожелавшие остаться анонимными).

При лечении болезней, в решении важных общественных вопросов мордва традиционно придавала существенное значение различного рода заговорам, гаданиям, колдовству. Занимались этим в мордовских селах также преимущественно женщины. У соседних народов, в том числе у русских, “мордовские ворожеи” считались самыми сильными, поэтому в сложных жизненных ситуациях именно с ним обращались за советом, нужным лекарством на травах или заклинанием (*Емельянов* 1955: 97). О значительной роли знахарок в жизни мордовского села свидетельствует тот факт, что прозвища, добавлявшиеся к официальным фамилиям, а иногда и заменяющие их – что было характерно для мордвы, – зачастую давались по имени той ли иной известной знахарки из данного рода. Так, Х. Паасонен включил несколько таких прозвищ в свой фундаментальный словарь (*Paasonen* 1990: 133, 159). В настоящее время традиция еще жива, что подтверждают материалы наших полевых исследований: например, в с. Степная Шентала носители фамилии Сергачёвы известны под прозвищем *Марюконь*, поскольку в их роду была известная в прошлом знахарка *Марюк-баба* (ПМА 11).

Таким образом, традиционное мировосприятие мордвы Самарского Поволжья в целом неразрывно связано с представлениями мордвы, расселенной на других территориях Российской Федерации. Вместе с тем общемордовские ритуалы и обряды в ряде случаев претерпели существенные изменения, а местами были замещены новыми. К описанию специфических для мокши и эрзя Самарской области явлений традиционной культуры мы далее и переходим.

Праздник *Ватази чи* в с. Коноваловка Борского р-на

Одной из своеобразных традиций эрзя-мордвы Самарской области является праздник *Ватази чи*. Он характерен только для населения с. Коноваловка

(Борский р-н). От праздников весеннего цикла в других мордовских группах региона и за его пределами он отличается прежде всего историей происхождения, которая бытует в настоящее время среди жителей села в качестве предания.

С середины XVIII в. в Коноваловку, население которой до этого времени составляла исключительно мордва, начали прибывать русские переселенцы. Первыми русскими жителями Коноваловки стали казаки из Борской крепости, затем их примеру последовали крестьяне из разных губерний Российской империи. Долгое время мордовская и русская части села враждовали между собой, в ходе столкновений неоднократно представители обеих национальных общин получали тяжелые увечья. Ситуация особенно обострилась, когда в одной из таких стычек был убит выходец из Тамбовской губернии русский крестьянин по фамилии Обьедков. У убитого осталось несколько малолетних детей. После этого трагического случая старики села собрались вместе и решили, что вражде должен быть положен конец, а в честь прекращения вражды ежегодно стали проводить праздник, который был назван *Ватази чи* (ПМА 3: Степанова, информанты, пожелавшие остаться анонимными).

Т.Н. Степанова отмечает, что в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка праздник называется именно *Ватази* или *Ватази чи*. Не так давно, после сошествия с представителями мордовской общности из других сел, стало использоваться и параллельное название – *Вастазь чи*. При переосмыслении названия опирались на предположение о том, что в его основе изначально лежала эрзя-мордовская лексема *вастома* – “встреча” (от глагола *вастомс* – “встречать”, “встречаться”) (ПМА 3: Степанова). При этом было принято следующее объяснение: праздник назвали в честь мирной встречи жителей мордовской и русской частей села.

Со своей стороны хотел бы предложить альтернативную версию происхождения названия праздника. Так, в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка (который очень неоднороден ввиду многочисленных позднейших переселений людей в Коноваловку из различных мордовских сел; сами носители говора характеризовали нам его так: “Коноваловский говор? Да у нас тут на каждой улице свой говор” [ПМА 3: Степанова, Нуждина]) имеется лексема *ватази* (“красивый”, “сильный”), от которой, вероятно, и происходит название праздника. В таком случае *Ватази чи* означает “Красивый день”.

Сам процесс празднования *Ватази чи*, его атрибуты и сроки имеют много общего с празднованием Троицы, которое у мордвы традиционно отличалось особой торжественностью в связи с приурочиванием к окончанию весеннего полевого цикла (Корнишина 2017: 21). Отмечается *Ватази чи* в Коноваловке спустя неделю после Троицы, на него собирается все село, в последние годы съезжается большое количество гостей. Одним из главных атрибутов праздника *Ватази чи* является украшение домов и улиц березовыми ветвями, к которым, загадывая желания, люди привязывают разноцветные ленточки. *Ватази чи* совпадает по времени с *Велень озкс* – общим, сельским молением, знаменующим окончание весенне-полевых работ.

Еще больше общих черт у коноваловского *Ватази чи* с праздником проводов весны *Тундонь ильтямо*, который устраивается мордвой в конце Троицкой недели и одним из основных атрибутов которого также выступает украшенная молодая береза. Г.А. Корнишина связывает данную традицию с наиболее архаичным пластом мордовской обрядности троицкого цикла (Корнишина 2017: 18). Характерно, что, согласно сведениям наших коноваловских информантов, песня “Ватази”, которую исполняют женщины в конце праздника *Ватази чи*, называется также *провождальной*. Празднование *Ватази чи* заканчивалось у колдца *Бабань лисьма*, расположенного на большой поляне *Кужо* в окрестностях

Коноваловки. Традиция завершать обрядово-ритуальные действия у водных источников бросанием в воду венков и ветвей березы характерна и для *Тундонь ильтямо*.

Таким образом, ни название *Ватази чи*, ни характерные черты праздника не указывают на то, что он был установлен в XIX в. и связан с прекращением вражды между национальными общинами Коноваловки – скорее, можно предполагать, что примирение было приурочено к общему для русских и мордвы Дню Святой Троицы. Сам же *Ватази чи* коноваловской эрзи, как представляется, является местной вариацией мордовского праздника проводов весны *Тундонь ильтямо*.

Некоторые особенности традиционного мировосприятия мордвы-мокши Самарской Луки

Самарская Лука благодаря своим природно-географическим условиям – уникальная зона Поволжья, на протяжении нескольких веков здесь формировался особый этнокультурный ландшафт. Среди мордвы Самарской Луки традиционно были сильны позиции язычества. Несмотря на то что данная территория уже с середины XVII в. являлась вотчиной Спасо-Преображенского монастыря (ЦГАСО-2), а мордовское население здесь было официально крещено к середине XVIII в., церкви в некоторых мордовских селах полуострова появились сравнительно поздно, а в некоторых и вовсе не были построены. Так, собственных церквей никогда не было в Торновом и Шелехмети (современных мокшанских селах Волжского р-на), их жители были приписаны сначала к Рождественской церкви, а затем к построенной в первые десятилетия XIX в. церкви в русском с. Новинки. В с. Бахилово церковь появилась только в начале XX в. (1911 г.) по частной инициативе, но после революции она была закрыта, а в 1939 г. разобрана на стройматериалы (ПМА 7: Мордвинова). В многочисленных, ныне исчезнувших мордовских и чувашско-мордовских поселках Самарской Луки церкви также не строились. Это обстоятельство, как представляется, способствовало сохранению у мокшан полуострова традиционного мировоззрения.

Моления, система ритуалов, имена языческих богов в ныне существующих мокшанских селах Самарской Луки различаются, что объясняется гетерогенностью происхождения мордовского населения данной территории (Беленов 2018).

В Торновом и Шелехмети мокшане при молениях традиционно обращались к мордовскому верховному богу *Шкайбасу*. Одно из главных мест языческих молений в с. Торновое в прошлом – поляна со старым вязом у колодца *Старипчане*. В настоящее время основным практикуемым традиционным обрядом в селе остаются моления о дожде. Раньше они совершались на поляне *Репчанре*, сегодня место их проведения известно лишь нескольким пожилым жителям Торнового, которые сохраняют его в тайне.

В с. Шелехметь центром этнокультурного пространства является археологический памятник – городище *Ош-панод-нерь* (Город горного мыса), с которым связано большинство фольклорных сюжетов шелехметской мордвы (Беленов 2019). Моления о дожде также составляют важную часть традиционной культуры этой группы. Мордва Шелехмети особое внимание уделяла группе яблонь, растущих у дороги на русском с. Новинки. Эти деревья почитались наряду с вязом – объектом почитания всей самаролукской мордвы, именно около них в прошлом проводились моления о дожде. В XIX в. в Шелехмети бытовало предание, повествующее о том, что эти яблони были собственноручно посажены Степаном Разиным (*Невоструев* 1871: 45).

В Бахилово наиболее почитаемым божеством является *Кереметь*. В представлении бахилловской мордвы божество показывается людям в виде пожилой женщины в национальном мокшанском одеянии, вследствие чего его чаще называют *Матушка Кереметь*, реже (по-русски) – *Озёрная старуха*. Согласно поверьям мордвы-мокши с. Бахилово, Кереметь в первую очередь покровительствует водным источникам, поэтому посвященные ей обряды проводились около родников. В последнее время местом почитания Керемети стало Ведмино озеро, где стараниями директора Бахилловского культурно-досугового центра (КДЦ) И.В. Мордвиновой организован одноименный этнопарк. Хотя у мордвы-мокши культ керемети иногда и фиксировался исследователями XVIII–XIX вв. (*Ауновский* 1869: 103), это, скорее, исключение, он больше присущ чувашам.

Следует отметить и существенные различия культа керемети у бахилловской мордвы и мордвы различных сел за пределами Самарского Поволжья. Так, по сведениям Г.А. Корнишиной, в Нижегородской губернии керемети устраивались на возвышенностях, а в с. Армиёво Саратовской губернии – в лесу у большой березы (*Корнишина* 2001: 333–334).

Особо необходимо подчеркнуть, что культ керемети в Самарском Поволжье отмечен нами только у бахилловской мордвы, в других мордовских этнотерриториальных группах региона он отсутствует. При этом представления о Керемети жителей Бахилово не имеют практически ничего общего с подобными представлениями чувашей Самарского Поволжья – у последних керемети как площадки для ритуальных жертвоприношений широко распространены. В ряде мордовских сел региона о кереметях знают, но всегда подчеркивают, что они относятся к религиозной традиции чувашей.

Еще одной отличительной особенностью традиционной культуры бахилловской мордвы является изготовление деревянных личин – массивных масок в виде голов мифических существ, вырезаемых из стволов деревьев. Они развешивались на деревьях в лесу и отмечали места, связанные с лесными духами, куда проникать непосвященным людям было опасно. Отдельные экземпляры таких личин, собранные И.В. Мордвиновой, в настоящее время хранятся в местном краеведческом музее при Бахилловском КДЦ.

Мы уже отмечали выше, что культ деревьев широко распространен среди мордвы, кроме вяза особо почитаются дуб и береза (*Михалкович* 2000; *Сычёв* 2015). На территории Самарской Луки культовое дерево у всех групп мордвы именно вяз: около старых дуплистых вязов проводились языческие ритуалы, общие молебны, а также индивидуальные религиозно-обрядовые действия. До недавнего времени в с. Бахилово было два старых вяза – *Ала тесэ* и *Веретесэ*. У этих деревьев жители села собирались для коллективных и индивидуальных молений, на ветви вязов повязывали ленточки, загадывая желания, об исполнении которых затем молились. Сегодня вязов уже нет, однако, надо полагать, в памяти людей они сохранились как элементы системы кереметей с. Бахилово: наиболее известные места проведения ритуалов в честь *Озёрной старухи* расположены у прудов и называются *Алкурай кереметь* и *Веркурай кереметь*. В окрестностях с. Торновое известно урочище *Поклонный Вяз*, здесь в прошлом рос старый вяз, около которого проводились обряды незамужними девушками (*Шепелев* 2008: 7).

Почему мордва Самарской Луки выделяла из всех деревьев именно вяз – при том что в Жигулёвских горах произрастало немало больших дубов, и до начала XX в. даже пятивековые дубы-гиганты не являлись редкостью, – неизвестно. Касаясь данного вопроса при описании мордовских молений, М.Е. Евсеев отмечает, что мордва могла собираться для обрядов у могучих, старых деревьев

различных пород, но при этом избегала ель и осину (*Евсеев* 1914: 38). У мордвы других этнотерриториальных групп региона (в том числе и у родственной мордовскому населению с. Бахилово бинарадской мордвы) особого отношения к вязам нами не зафиксировано.

Моления о дожде у мордвы Самарской области

Моления о дожде – религиозно-культурный феномен, фиксирующийся у всех мордовских групп Самарского Поволжья. Он представляет собой важную и наиболее устойчивую часть их традиционного миропонимания. Данный цикл молений тесно связан с водными источниками, чаще всего с колодцами и родниками, поскольку считалось, что для того, чтобы “испросить” дождя, необходимо разбудить *Ведь-аву* – божество воды, а ее местопребыванием, по мордовским поверьям, могут быть любые водные источники (*Мокшин* 1998: 53).

Одной из специфических особенностей молений о дожде, зафиксированной в ряде мордовских сел региона, является проведение этого обряда у источников, расположенных в удаленной, труднодоступной местности. Выбор места обусловлен, с одной стороны, стремлением скрыть молебен от посторонних людей (в некоторых случаях разрешается присутствовать только женщинам), с другой – желанием молящихся приложить определенные усилия для его достижения, что также становится своеобразной жертвой.

О молениях о дожде неоднократно говорили наши информанты из мокша-мордовских сел Самарской области. Так, в Торновом нам сообщили: “Когда нет дождей, наши бабушки собираются и уходят молиться в одно известное только им место” (ПМА 2: Т. Радаева); в Большой Ёге сказали: “Наши женщины в засуху ходили молиться на Шихан-гору, на озера, и после этого всегда шел дождь” (ПМА 8). Интересно отметить, что, по сведениям Г.А. Корнишиной, подобный обряд проводился мордвой с. Кузоватово (относится ныне к Кузоватовскому р-ну Ульяновской обл.; следует отличать от р. п. Кузоватово, основанного при одноименной станции): моления о дожде устраивались на лесном озере (*Корнишина* 2017). Эта параллель показательна, поскольку, согласно архивным документам, из Кузоватово происходит часть предков похвистневской мордвы, в том числе жителей Большой Ёги (МИ БашАССР 1956).

Тем не менее чаще всего мордва Самарского Поволжья проводила моления о дожде у колодцев. Колодцы, как правило, называются *Баба лисьма* (архаичная форма мордовской топонимии, по Б.А. Серебренникову [*Серебренников* 1967]) либо *Бабань лисьма* (где *нь* – мордовский аффикс принадлежности). Элемент *баба* вообще характерен для мордовской топонимии, связанной с местами языческих ритуалов, которые, как уже отмечалось, традиционно у мордвы исполнялись женщинами (обычно пожилыми): *Бабань лисьма* – колодец у эрзянского с. Коноваловка, рядом с ним, на большой поляне *Кужо* проводится заключительная часть гуляний на праздник *Ватази чи*; *Баба озг* – озеро в мокшанском с. Старая Бинарадка (строго говоря, это пруд, но в селе все называют его озером); *Бабань каша* – место молений в поле у русско-эрзянского с. Ерзовка; *Сёся баба* – урочище в окрестностях эрзянско-украинского с. Владимировка (ныне в селе осталось лишь два постоянных жителя). Подобные топонимы широко распространены и на других территориях расселения мордвы. Приведем лишь отдельные примеры, зафиксированные в Республике Мордовия: *Баба эшиня* – у мокшанского с. Старое Шайгово; *Баба кипря пандо* – у эрзянского с. Пиксяси; *Баба луга* – у эрзянского с. Лобаски; *Бабань киштема* – у эрзянского с. Подлесная Тавла (*Цыганкин* 2005).

Однако среди названий ритуальных колодцев есть и редкие исключения, одно из них зафиксировано нами на территории Самарской области. Так, в с. Старый Маклауш Клявлинского р-на известен колодец *Цёра лисьма*, происхождение названия которого объяснялось нашими информантами коротко, без каких-либо подробностей о самом ритуале: “Мужики молились” (ПМА 6). Есть в селе и колодец *Бабань лисьма*, у которого раньше традиционно молились о дожде женщины. В качестве немногочисленных семантических параллелей *Цёра лисьма* можно привести лишь единичные известные топонимы: например, *Атя лисьма* – родник у эрзянского с. Сабанчеево (Атяшевский р-н Республики Мордовия), возле которого его жители собирались молиться о дожде (Цыганкин 2005: 30). Согласно местной легенде, эта традиция берет начало со времен основания села, когда в период сильной засухи после молитвы одного из стариков (Г.А. Корнишина полагает, что этим стариком был Сабан – основатель села) около этого колодца, пошел дождь (Корнишина 2001).

Особенности традиционной культуры мордвы-эрзи с. Шилан

Эрзя-мордовское с. Шилан (Красноярский р-н) стоит особняком. Во-первых, время его основания – середина XIX в. – нетипично для мордовских населенных пунктов региона, большинство из которых основаны в XVIII столетии. Во-вторых, предки шиланской мордвы являются выходцами с территории современных Атяшевского и Дубёнского районов Республики Мордовия, в то время как предки остальных мордовских этнотерриториальных групп Самарского Поволжья переселились сюда с территории современных Ульяновской и Пензенской областей. Данные особенности нашли отражение в традициях и культуре шиланской мордвы, в частности в отличительных чертах обрядовых действий при проведении ряда праздников весеннего цикла.

По сведениям, полученным мной от информантов, в былые годы на праздник *Весна Ильтемат Ши* (“День проводов весны”) выбирали две пары из не состоящей в браке молодежи: “Барыню и боярина” – их подпоясывали кушаками, и “Хохла и хохлушу”, которых наряжали в “украинские национальные одежды”. “Потом ходили – они впереди (выбранные пары. – Н.Б.), – и пели весенние песни” (ПМА 9: Киржеманова). Остается неясным, почему шиланская мордва одну из пар наряжала как украинцев – украинских сел в окрестностях Шилана, да и в местах проживания предков шиланцев не зафиксировано. Впрочем, необходимо подчеркнуть, что близкое соседство, а в ряде случаев и совместное проживание в одном населенном пункте мордвы и украинцев в Самарском Поволжье не редкость. При этом надо отметить, что обрядовые персонажи и всевозможные ряженые (лешие, русалки, различные животные и т.д.) часто встречаются в описаниях празднования мордвой проводов весны (Девяткина 2007).

Интересно и потерявшее целостность и почти утраченное к настоящему времени предание шиланской мордвы о некоем мифическом существе *Сарда/Варда* (в шиланском говоре эрзя-мордовского языка употребляются оба варианта мифонима). Согласно этому преданию, после Ильина дня (2 августа) людям нельзя купаться, потому что с этого времени человека может схватить под водой мифическое существо *Сарда/Варда* лапой с когтями – острыми, как заноза (ПМА 9: Артамонова [Кузнецова], М.Н. Афонина). Среди шиланской мордвы даже бытует поговорка *Сарда лапанзо под ведь* (“Сарда лапой под водой [схватит]”) (ПМА 9: Киржеманова, М.А. Афонина). Как представляется, вариант именования фольклорного персонажа *Сарда* восходит к эрзянской лексеме *сардо* со значением “заноза” и является позднейшим добавлением-характеристикой к его имени. Лексема *варда* в большинстве мордовских говоров имеет значение “служанка”. Так, в

наиболее раннем из известных лексикографических источников по мордовским языкам – списке мордовских слов Н. Витсена находим: *Varda* – “рабыня” (*Witsen* 1692). Вместе с тем Х. Паасоненом в ряде эрзянских и мокшанских говоров отмечается *vardeen sura*, *vardeen zur* со значением “чёртов палец” (ростр раковины белемнита) (*Paasonen* 1996: 2166), что также характеризует *vardu* как мифическое существо с острыми когтями. Можно предположить, что предание шиланской мордвы является отголоском глубокой древности.

Ритуалы перед началом посевных работ у мордовского населения с. Ерзовка

Мордва, основавшая с. Ерзовка (в прошлом Фролкино) во второй половине XVIII в., в ходе последующих внутренних миграций испытала сильное влияние со стороны похвистневской мордвы (особенно многочисленную диаспору в Ерзовке сегодня составляют выходцы из Большого Толкая и поселков-спутников Малого Толкая). Вместе с тем в ерзовском говоре эрзя-мордовского языка фиксируются элементы, резко отличающие его от говоров похвистневских эрзян. До недавнего времени прослеживались существенные различия и в обрядовой культуре этих двух мордовских групп, о чем можно судить по описаниям наших информантов.

Как и во многих других мордовских селах Самарского Поволжья, главными праздниками в Ерзовке считались праздники весеннего цикла. К северо-востоку от села расположено поле, называемое *Бабань каша*. Со слов информантов, название обусловлено тем, что до недавнего времени (до середины XX в.) “мордовки совершали там свой молян” (ПМА 4). Совершался этот “молян” перед посевом, главным ритуальным действием было приготовление яичницы на печной заслонке. После приготовления яичница съедалась всеми участниками моления. Данный ритуал эрзян Ерзовки, вероятно, связан с общемордовскими представлениями о жертве богам плодородия. В состав такой жертвы у мордвы в числе прочего обязательно входили яйца (*Harva* 1952). Процесс жертвоприношения мог различаться: яйца могли употребляться в пищу участниками молений (как в рассматриваемом случае) в составе ритуальных блюд, например, запеченными в хлеб вместе со скорлупой; они могли закапываться в землю в полях; могли просто оставляться на месте жертвоприношения – в лукошке, на полотенце и т.д. Надо отметить, что яичница служит ритуальным блюдом, связанным с праздниками весеннего цикла и плодородия, не только у мордвы. Так, известны обряды троицкой яичницы у донских казаков (*Рыблова* 2017), яичница используется в праздниках весеннего цикла у чувашей и татар-кряшен (*Денисов* 1959: 129). Отметим также, что название *Бабань каша* восходит к наименованию одного из ритуальных блюд мордвы, которое готовили чаще всего из различных круп по окончании праздников весеннего цикла. Исходя из названия поля, можно полагать, что в прошлом данное блюдо готовила и ерзовская мордва, но позднее обрядность была упрощена и из ритуальных блюд осталась лишь яичница – этот этап эволюции традиционных праздников весеннего цикла в Ерзовке и застали наши информанты. Здесь же следует отметить, что у некоторых этнотерриториальных групп мордвы региона, например, у клявлинской мордвы, представление о *каше* как о ритуальной пище сохранилось, однако сам обряд уже не проводится. Так, в окрестностях с. Старый Маклауш (Клявлинский р-н) находится урочище *Каша пандо пря* (*пандо пря* – “вершина горы”), происхождение названия которого информанты объясняли нам следующим образом: “Это место, где перед севом молились. Кашу сеяли (смеются). Чтобы урожай хороший был” (ПМА 6). Следует отметить и родник с названием *Бабань каша* у эрзя-мордовского с. Кирюшкино

(Бугурусланский р-н Оренбургской обл.), население которого исторически связано с мордовским населением Кинель-Черкасского и Похвистневского районов Самарской области. Для кирюшкинской мордвы родник является главным культовым местом проведения традиционных обрядов.

Лексема *каша* достаточно часто встречается в мордовской топонимии других территорий – в названиях объектов, рядом с которыми проводились соответствующие обрядовые действия (она вторая по частотности после лексем *баба*). Надо указать, что *каша*, в отличие от общемордовского элемента *баба*, фиксируется в топонимических пространствах только эрзянских сел: *Каша ознома лисьма* – у с. Старое Ардатово, *Кашка пандо* – у с. Поводимово, *Кашмарка* – у с. Красный посёлок (Республика Мордовия) (*Цыганкин* 2005).

* * *

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что большинство самобытных традиций мордвы Самарского Поволжья происходят из известных по этнографическим описаниям XVIII–XIX вв. мордовских традиций и обрядов, а приведенные в данной работе их вариации, вероятно, возникли уже в период длительного изолированного развития местных мордовских этнотерриториальных групп на территории Самарского Поволжья. Надо полагать, что известное влияние на мордву Самарской области оказали и ее культурное взаимодействие с полиэтничным окружением, и адаптация к изменившимся в сравнении с территориями исхода природно-географическими и хозяйственно-бытовыми реалиями. Необходимо отметить и то, что в последнее время значительное воздействие на традиции и культуру мордвы региона оказали этнодемографические процессы, которые особенно усилились в XX–XXI вв.: русификация, урбанизация, интенсификация внутрорегиональной и межрегиональной миграций.

Источники и материалы

- Гребнев* 1885 – *Гребнев М.* Село Флоркино или Ерзовка Бугурусланского уезда // Самарские епархиальные ведомости. 1885. № 22. С. 513–522.
- Гребнев* 1886 – *Гребнев М.* Мордва Самарской губернии // Самарские епархиальные ведомости. 1886. № 23. С. 455–464.
- Лепёхин* 1821 – *Лепёхин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства // Полное собрание учёных путешествий по России. Т. 3. СПб.: При Императорской Академии наук, 1821.
- Малиев* 1878 – *Малиев Н.М.* Общие сведения о мордве Самарской губернии. Казань: Университетская типография, 1878.
- Масленицкий* 1785 – *Масленицкий Т.Г.* Топографическое описание Симбирского наместничества. Симбирск: б/и, 1785.
- Мельников-Печерский* 1867 – *Мельников-Печерский П.И.* Очерки мордвы // Русский вестник. 1867. № 6, 9, 10.
- МИ БашАССР 1956 – Материалы по истории Башкирской АССР (1956). Т. IV, Управление Оренбургским краем. Ч. 2. М.: АН СССР, 1956.
- Невоструев* 1871 – *Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. М.: Синодальная типография на Никольской улице, 1871.
- Паллас* 1773 – *Паллас П.С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. СПб.: Императорская Академия наук, 1773.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Шелехметь Волжского р-на Самарской обл. Июль 2018 г. (информант Н.М. Беляев, 1930 г.р.).

- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Торновое Волжского р-на Самарской обл. Сентябрь 2018 г. (информанты: М.А. Радаева, 1928 г.р.; Т. Радаева, 1931 г.р.; пожелавшие остаться анонимными).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Коноваловка Борского р-на Самарской обл. Октябрь 2019 г. (информанты: Т.Н. Степанова, 1955 г.р.; А.В. Нуждина, 1983 г.р.; пожелавшие остаться анонимными).
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Ерзовка Кинель-Черкасского р-на Самарской обл. Июль 2019 г. (информант О. Кузьмина, 1981 г.р.).
- ПМА 5 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Старая Бинарадка Красноярского р-на Самарской обл. Апрель 2019 г. (информант Л.Н. Карамышева, 1968 г.р.).
- ПМА 6 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Старый Маклауш Похвистневского р-на Самарской обл. Октябрь 2019 г. (информанты: Н.Ф. Емельдяжев, 1935 г.р.; пожелавшие остаться анонимными).
- ПМА 7 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Бахилово Ставропольского р-на Самарской обл. Декабрь 2018 г. (информант И.В. Мордвинова, 1961 г.р.).
- ПМА 8 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Большая Ёга Похвистневского р-на Самарской обл. Июнь 2015 г. (информант И.С. Ширшов, 1935 г.р.).
- ПМА 9 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Шилан Красноярского р-на Самарской обл. Июль 2020 г. (информанты: Н.А. Киржеманова, 1930 г.р.; Н.В. Артамонова (Кузнецова), 1975 г.р.; М.Н. Афонина, 1943 г.р.; М.А. Афонина, 1942 г.р.).
- ПМА 10 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Большая Каменка Красноярского р-на Самарской обл. Сентябрь 2020 г. (информант В. Якямсева, 1931 г.р.).
- ПМА 11 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Степная Шентала Кошкинского р-на Самарской обл. Сентябрь 2020 г. (информант Н. Спиридонова, 1940 г.р.).
- ЦГАСО-1 – Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-558. Ед. хр. 288, 1917–1931 гг., 1 оп. – Самарское научное краеведческое общество.
- ЦГАСО-2 – Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7287 – Самарская духовная консистория.
- Witsen 1692 – Witsen N. Noord en oost Tartarie. Amsterdam, 1692.*

Научная литература

- Ауновский В.* Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск: Типография Симбирского губернского правления, 1869. С. 85–108.
- Беленов Н.В.* Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. Самара: Порто-принт, 2018.
- Беленов Н.В.* Оттопонимический фольклор мордвы-мокши Самарской Луки // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 5. С. 153–160.
- Беленов Н.В.* Географическая лексика клявлинского говора эрзя-мордовского языка // Филологические науки. 2021. № 1. С. 28–36.
- Бородин Н.В., Ведерникова Т.И.* Народный костюм Самарского края. Самара: Самара-принт, 2007.
- Ведерникова Т.И.* Этнография и праздничная культура народов Самарского края. Самара: Самарский областной НИЦ народного творчества, 1991.

- Ведерникова Т.И., Фокин П.П., Ягафова Е.А.* Этнография Самарской Луки. Самара: Самарский региональный фонд “Полдень. XXII в.”, 1996.
- Девяткина Т.П.* Мифология мордвы (традиционная картина мира и образ мышления) // Инженерные технологии и системы. 1997. № 3. С. 92–97.
- Девяткина Т.П.* Мифология мордвы. Саранск: б.и., 2007.
- Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш (историко-этнографические очерки). Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1959.
- Евсевьев М.Е.* Мордовская свадьба. СПб.: Типография С.Н. Худекова, 1892.
- Евсевьев М.Е.* Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской области. Петроград: Типография Д. Смирнова, 1914.
- Емельянов М.А.* Самарская Лука и Жигули. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1955.
- Корнишина Г.А.* Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса. Дис. ... докт. ист. наук. Московский государственный университет, Москва, 2001.
- Корнишина Г.А.* Обряды троцкого цикла мордвы Пензенской области // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2017. № 3. С. 9–22.
- Малкова Н.М.* Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Удмуртский гос. ун-т, Ижевск, 2000.
- Малкова Н.М.* Материалы по истории и культуре мордвы Самарского края. Самара: Самарское археологическое общество, 2019.
- Маскаев А.И.* Мордовская эпическая песня. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1964.
- Михалкович И.Н.* Реминисценция образа дерева в мифологии и фольклоре мордвы // Инженерные технологии и системы. 2000. № 1–2. С. 72–77.
- Мокшин Н.Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1998.
- Петербургский И.М. и др.* Мордва Заволжья. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1994.
- Рыблова М.А.* Обрядовая трапеза донских казаков: от повседневного к сакральному // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 167–181.
- Серебренников Б.А.* Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967.
- Сычёв А.А.* Культ леса в системе экологических верований мордвы // Финно-угорский мир. 2015. № 4. С. 76–83.
- Феоктистов А.П.* Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2008.
- Цыганкин Д.В.* Память, запечатленная в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск: Красный Октябрь, 2005.
- Чувашиов М.И.* Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки. Антология. Т. 2. Самара: СГПУ, 2008.
- Шепелев А.* Самарская Лука. Самара: Агни, 2008.
- Harva U.* Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1952.
- Paasonen H.* Mordwinische Volksdichtung. Gesammelt von Ignatij Zorin, Durchgesehen u. transkribiert von Heikki Paasonen, übers. von Kaino Heikkilä u. Paavo Rivila, Herausgeg von Martti Kahla. Bd. V. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977.
- Paasonen H.* Mordwinische Wörterbuch. T. 1, A–I. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 1990.

- Paasonen H.* Mordwinische Wörterbuch. T. 2, K–M. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 1992.
- Paasonen H.* Mordwinische Wörterbuch. T. 3, N–R. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 1994.
- Paasonen H.* Mordwinische Wörterbuch. T. 4, S–Z. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 1996.
- Väisänen A.O.* Mordwinische Melodien / Phonographisch aufgenommen und herausgegeben von A.O. Väisänen. Helsinki: SuomalaisUgrilainen Seura, 1948.

Research Article

Belenov, N.V. Aspects of the Traditional Culture of the Samara Povolzhie Mordovians [Nekotorye osobennosti traditsionnoi kul'tury mordvy Samarskogo Povolzh'ia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 1, pp. 103–119. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010079> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Nikolay Belenov | <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966> | belenov82@gmail.com | Samara State University of Social Sciences and Education (65/67 Maxim Gorky Str., Samara, 443099, Russia)

Keywords

Mordva, Mordovians, Mordvins, traditional culture, Moksha-Mordovians, Erzya-Mordovians, Samara-Volga region, ethnic/territorial group

Abstract

The article focuses on the cultural traditions and worldview aspects that are distinctive to the Mordovians, or Mordvins, of the Samara-Volga region (Samara Povolzhie). I examine the history of studying this ethnic group, as well as the principal cultural traits that this group has in common and shares with Mordovians elsewhere. I further discuss the particularities of their agricultural planting rites and the springtime celebrations of *Vatazi chi* and *Tundon' il' tiamo* that are observed in a number of Erzya villages, describe the cultural specificities of the Samara Bend (*Samarskaia Luka*) Moksha-Mordovians, and point attention to peculiarities of rain prayers as practiced by Mordovians in the Samara region. I argue that these aspects of the culture of Samara Povolzhie Mordovians had most likely stemmed from the same roots, common to all ethnic groups of Mordovians; however, it appears that they must have undergone substantial changes after the group under consideration had settled in the geographical area of Samara Povolzhie.

References

- Aunovskii, V. 1869. Etnograficheskii ocherk mordvy-mokshi [Ethnographic Essay of Moksha-Mordovian]. In *Pamiatnaia knizhka Simbirskoi gubernii na 1869 god* [Calendar of Simbirsk Province for 1869], 85–108. Simbirsk: Tipografia Simbirskogo gubernskogo pravleniia.
- Belenov, N.V. 2018. *Moksha-mordovskaia toponimiia Samarskoi Luki* [Moksha-Mordovian Toponymy of Samara Luka]. Samara: Porto-print.
- Belenov, N.V. 2019. Ottoponimicheskii fol'klor mordvy-mokshi Samarskoi Luki [Related to Toponyms Folklore of the Moksha-Mordovian of the Samara Luka]. *Traditsionnaia kul'tura* 20 (5): 153–160.
- Belenov, N.V. 2021. Geograficheskaja leksika kliavlinskogo govora erzia-mordovskogo yazyka [Geographical Lexicon of the Klyavinsky Dialect of the Erzya-Mordovian Language]. *Filologicheskie nauki* 1: 28–36.

- Borodina, N.V., and T.I. Vedernikova. 2007. *Narodnyi kostium Samarskogo kraia* [Folk Costume of Samara Region]. Samara: Samara-print.
- Chuvashov, M.I. 2008. *Dukhovnoe nasledie narodov Povolzh'ia: zhivye istoki. Antologiya* [Spiritual Heritage of the Peoples of the Volga Region: Living Sources: Anthology]. Vol. 2. Samara: SGPU.
- Denisov, P.V. 1959. *Religioznye verovaniia chuvash (istoriko-etnograficheskie ocherki)* [Religious Beliefs of the Chuvash]. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Deviatkina, T.P. 1997. *Mifologiya mordvy (traditsionnaia kartina mira i obraz myshleniia)* [Mythology of the Mordva]. *Inzhenernye tekhnologii i sistemy* 3: 92–97.
- Deviatkina, T.P. 2007. *Mifologiya mordvy* [Mythology of the Mordva]. Saransk.
- Emelianov, M.A. 1955. *Samarskaia Luka i Zhiguli* [Samara Luka and the Zhiguli]. Kuibyshev: Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Evseiev, M.E. 1892. *Mordovskaia svad'ba* [Mordovian Wedding]. St. Petersburg: Tipografiia S.N. Khudekova.
- Evseiev, M.E. 1914. *Bratchiny i drugie religioznye obriady mordvy Penzenskoi oblasti* [The Bratchiny and Other Religious Ceremonies of the Mordovians of the Penza Region]. Petrograd: Tipografiia D. Smirnova.
- Feoktistov, A.P. 2008. *Ocherki po istorii formirovaniia mordovskikh pis'menno-literaturnykh yazykov* [Essays on the History of the Formation of Mordovian Written and Literary Languages]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Harva, U. 1952. *Die Religiosen Vorstellungen der Mordwinen* [The Religious Ideas of the Mordovians]. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- Kornishina, G.A. 2001. *Traditsionno-obriadovaia kult'ura v sisteme mordovskogo etnosa* [Traditional-Ritual Culture in the System of the Mordovian Ethnos]. PhD diss., Moscow State University.
- Kornishina, G.A. 2017. *Obriady troitskogo tsikla mordvy Penzenskoi oblasti* [Rites of the Mordovians of the Penza Region for the Trinity]. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* 3: 9–22.
- Malkova, N.M. 2019. *Materialy po istorii i kul'ture mordvy Samarskogo kraia* [Materials on the History and Culture of the Mordvins of the Samara Region]. Samara: Samarskoe arheologicheskoe obshchestvo.
- Malkova, N.M. 2000. *Pogrebal'nyi obriad i inventar' mogil'nikov erzi i mokshi XVI – nachala XIX vv.* [Funeral Rite and Inventory of the Erzi and Moksha Burial Grounds of the 16th – Early 19th Centuries]. PhD diss., Udmurt State University.
- Maskaev, A.I. 1964. *Mordovskaia epicheskaia pesnia* [Mordovian Epic Song]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Mikhalkovich, I.N. 2000. *Reministsentsiia obraza dereva v mifologii i fol'klore mordvy* [Reminiscence of the Image of a Tree in the Mythology and Folklore of the Mordovians]. *Inzhenernye tekhnologii i sistemy* 1–2: 72–77.
- Mokshin, N.F. 1998. *Religioznye verovaniia mordvy* [Religious Beliefs of the Mordva]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Peterburgskii, I.M., et al. 1994. *Mordva Zavolzh'ia* [Mordovians of the Volga Region]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Ryblova, M.A. 2017. *Obriadovaia trapeza donskikh kazakov: ot povsednevnogo k sakral'nomu* [The Ritual Feast among the Don Cossacks: From the Everyday to the Sacred]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 167–181.
- Serebrennikov, B.A. 1967. *Istoricheskaia morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical Morphology of the Mordovian Languages]. Moscow: Nauka.
- Shepelev, A. 2008. *Samarskaia Luka* [Samara Luka]. Samara: Agni.

- Sychev, A.A. 2015. Kul't lesa v sisteme ekologicheskikh verovanii mordvy [The Cult of the Forest in the System of Ecological Beliefs of the Mordovians]. *Finno-ugorskii mir* 4: 76–83.
- Tsygankin, D.V. 2005. *Pamiat', zapechatlennaia v slove: slovar' geograficheskikh nazvanii Respubliki Mordoviia* [Memory Imprinted in the Word: Dictionary of Geographical Names of the Republic of Mordovia]. Saransk: Krasnyi Oktiabr'.
- Vedernikova, T.I. 1991. *Etnografiia i prazdnichnaia kul'tura narodov Samarskogo kraia* [Ethnography and Festive Culture of the Peoples of Samara Region]. Samara: Samarskii oblastnoi NTs narodnogo tvorchestva.
- Vedernikova, T.I., P.P. Fokin, and E.A. Yagafova. 1996. *Etnografiia Samarskoi Luki* [Ethnography of Samarskaya Luka]. Samara: Samarskii regional'nyi fond "Polden". XXII v."
- Paasonen, H. 1977. *Mordwinische Volksdichtung. Gesammelt on Ignatij Zorin, Durchgesehen u. transkribiert von Heikki Paasonen* [Mordovian Folk Poetry: Collected by Ignatii Zorin, Reviewed and Transcribed by Heikki Paasonen], edited by M. Kahla. Vol. V. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Paasonen, H. 1990. *Mordwinische Wörterbuch* [Mordovian Dictionary]. T. 1, A–I. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft.
- Paasonen, H. 1992. *Mordwinische Wörterbuch* [Mordovian Dictionary]. T. 2, K–M. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft.
- Paasonen, H. 1994. *Mordwinische Wörterbuch* [Mordovian Dictionary]. T. 3, N–R. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft.
- Paasonen, H. 1996. *Mordwinische Wörterbuch* [Mordovian Dictionary]. T. 4, S–Z. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft.
- Väisänen, A.O. 1948. *Mordwinische Melodien* [Mordovian Melodies], edited by A.O. Väisänen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.